

Селимова Гюльбахар Абдулахадовна

ДАГЕСТАНИЗМЫ В ДИАЛЕКТАХ КУМЫКСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена дагестанизмам в диалектах кумыкского языка. Цель статьи - выявление и описание дагестанских заимствований в диалектах кумыкского языка, уточнение происхождения некоторых слов, объясняемые исследователями как дагестанские. С точки зрения степени освоенности и времени дагестанизмы в диалектах кумыкского языка прочно усвоены кумыкским литературным языком и его диалектами.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/5-2/39.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 5(59): в 3-х ч. Ч. 2. С. 133-136. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 8; 10.02.20

Статья посвящена дагестанизмам в диалектах кумыкского языка. Цель статьи – выявление и описание дагестанских заимствований в диалектах кумыкского языка, уточнение происхождения некоторых слов, объясняемые исследователями как дагестанские. С точки зрения степени освоенности и времени дагестанизмы в диалектах кумыкского языка прочно усвоены кумыкским литературным языком и его диалектами.

Ключевые слова и фразы: кумыкский язык; подгорный диалект; терский диалект; кайтагский диалект; лексика; дагестанизмы; морфологическая структура.

Селимова Гюльбахар Абдулахадовна, к. филол. н., доцент
 Дагестанский государственный педагогический университет
 selimova0011@mail.com

ДАГЕСТАНИЗМЫ В ДИАЛЕКТАХ КУМЫКСКОГО ЯЗЫКА

Проникшие в диалекты кумыкского языка лексемы дагестанского происхождения обладают специфичной структурой, исследование которой представляет интерес как для тюркологии, так и для дагестанского языкознания.

Именные основы, проникшие в кумыкский язык, можно подразделить на простые, сложные и производные. Простые основы дагестанского происхождения расчленяются на корень и формант только в историческом аспекте, сложные же основы имеют достаточно прозрачную структуру.

Узукъари/зукъари «двоюродный брат, двоюродная сестра». Данная основа кумыкского языка заимствована из даргинского источника, ср. дарг. лит. *уццикъар*, диал. *удзикъар*, который состоит из корня со значением «брат» (дарг. *уцци*, *удзи*) и детерминанта. Основа *уцци/удзи* находится в генетической связи с даргинским *рурси* «девушка, дочь».

Представляет интерес детерминативный суффикс *-къари* в кумыкском варианте этого слова. Детерминативные суффиксы нахско-дагестанских языков изучались многими исследователями [11, с. 23], которые отмечают, что эти суффиксы могут быть полными или усеченными. В случае кумыкского *-къари* мы имеем полную форму. Сходный формант есть и в тюркских языках, ср. аффикс *къар//кер* в составе ряда тюркских основ типа ногайского *сѣзгер-сѣзкер* «красноречивый, болтун» [3, с. 152].

В старописьменных источниках кумыкского языка [14, с. 160] встречается интересная основа *чархп* (название женского головного платка или повязки). Основа расчленяется на два компонента: *чар-* со значением «волосы» и собственно тюркский компонент *къап* «мешочек», т.е. буквальное значение этого термина «мешочек для волос» полностью отражает характерную особенность этого предмета.

Можно полагать, что первый компонент *чар* – «волосы» является заимствованием из древнего дагестанского источника, ср. цахур. *члар*, хинал. *члар*, крыз. *члер*, будух. *члер*, лак. *члара*, арчин. *члари*, лезг. *члар* «волосы» [15, с. 65]. Корневыми элементами здесь считаются согласные *ч*, *чл*, восходящие к более первичному *к*, ср. ахвах. *кари*, тинд. *кара* «волосы».

Кумыкская основа *кюр* «яма-зернохранилище», легшая в основу древнего термина *кюрмет* – «канализация», сохранившегося в старо-письменном языке и в кумыкском фольклоре, имеет несомненное дагестанское происхождение, ср. цез. *керу* «ручей, овраг», гинух. *кора*, гунз. *куро*, крыз. *кур*, будух. *кур* «река, речка, овраг». Как отмечает Е. Ф. Джейранишвили [5, с. 223], указанные основы могут быть связаны с рутульским *хъвар* «яма» и цахурским *хъор* в том же значении.

Обособление грамматической формы, в частности формы множественного числа, достаточно широко представлено в различных языках, в том числе в тюркских и нахско-дагестанских. В этом плане представляют интерес данные ряда языков, ср. лезг. *иферар* «тмин», *кларасар* «дрова», *къазмаяр* «хутор» [14, с. 98], арчин. *сотор* «бусы», *сарум* «кладбище», *сар* «могила» [16, с. 72].

В кумыкский язык проникли в основном даргинские лексемы, оформленные даргинским формантом множественного числа *-ме//ми*, ср. *гиюлме//шюрме* «половина туши», топоним *Чирми* от даргинского *чирми* «ограды, заборы».

Как отмечают даргиноведы, в даргинском языке представлена группа существительных, оформляемая показателем *-ме*: *члала* «вилка» – *члалме* «вилки», *ише* «село» – *ишиме* «села», *урххур* «уздечка» – *урххурме* «уздечки» [12, с. 44].

При образовании формы множественного числа в даргинском языке изменяется состав вокализма, ср. *бекI* «голова» → *буки-ри* «головы», *кентI* «губа» → *кунтI-би* «губы». Именно это явление и представлено в составе кумыкского даргинизма *шюлме* (дарг. *шулме*) из шали «ребро, бок».

В буйнакском диалекте кумыкского языка, точнее в языке фольклора буйнакских кумыков, сохранилась лексема *кара* со значением «комар», видимо заимствованная из аварских диалектов, ср. авар. лит. *кIкIара*, диал. *кара*, арчин. *кIара*, чамал. *кIкIара* «комар». В составе аварского *кIкIара* вычленяется компонент *кIкI-* и детерминативный показатель. Соответственно в составе кумыкского диалектного *кара* «комар» выделяются в историческом аспекте корень *к-* и вторичные форманты *-а-р-а*.

В кайтагском диалекте кумыкского языка отмечаются такие основы, как *мае* «овца, имущество». Эта основа, несомненно, проникла из кайтагского диалекта даргинского языка, ср. *мае* «овца, богатство, имущество, товар» [16, с. 75]. В даргинском языке зафиксированы также варианты типа *маза*, *мачча*, *мацца*, *чума* [Там же, с. 76].

Можно предположить, что в составе данной основы можно выделить префиксальный элемент *ма-*, корневой *ч-* и детерминативный показатель *-а*, который в кайтагском диалекте даргинского языка встречается в форме *гьуту* «жеребенок» [Там же, с. 74]. Можно предположить, что кумыкская основа является заимствованием из кайтагского диалекта с последующим наращением форманта *-кь*. Аналогичное расширение основы прослеживается в ряде тюркских языков [2, с. 174].

В хасавюртовском диалекте кумыкского языка уже отмечалась основа *шошалан*, представленная и в соседнем ногайском языке в той же форме и в значении «овод». Близкая основа зафиксирована в диалектах азербайджанского языка в форме *шут* «клоп», которая, по мнению А. Г. Кубатова, является тюркским элементом, проникшим и в языки шахдагско-лезгинской общности [10, с. 12].

По нашему мнению, азербайджанская параллель и кумыкская основа *шошалан* тесно связаны между собой, и оба термина являются заимствованиями из местных нахско-дагестанских языков, ср. авар *сонсо* «клоп», диал. *жунжра*. Можно полагать, что компонент *шош-* в составе основы *шошалан* содержит корень *-ш-* и детерминат *-о-ш*, восходящий к согласному *-с-*. То же самое относится и к азербайджанскому термину. Известно, что азербайджанские диалекты испытали значительное влияние со стороны нахско-дагестанских языков, тем не менее многие вопросы взаимодействия указанных языков остаются невыясненными, к одному из этих вопросов и относится наличие в азербайджанском и дагестанских языках древних терминов, имеющих связь и с материалом современного кумыкского языка.

Основа *гьалмагь* «друг, товарищ» буйнакского диалекта кумыкского языка, заимствованная из аварского языка, имеет параллели в дербентском диалекте (теркемейский говор) в форме *гьолмагь*, ср. также тат. *гьолмагь*. Есть основания полагать, что все эти варианты имеют нахско-дагестанское происхождение. В то же время следует обратить внимание на наличие в татарских диалектах термина *армай* «начальник свадебного поезда» [8]. Основа проникла и в некоторые финно-угорские языки, ср. удм. *армай*, что подтверждается многими другими заимствованиями из татарского и чувашского.

Кумыкская основа *макьар* «береза» восходит к аварскому термину *макьар* «кора». Развитие семантики: «кора, береста» → «береза» подтверждается данными многих языков, ср. общетюрк. *тоз* «кора, береста» → азерб. *тозагаж* «береза». В этом аспекте можно полагать, что кумыкское слово *макьар* имело первоначально семему «береста, кора», которую можно отметить в составе ряда нахско-дагестанских параллелей, ср. авар. *макьар*, лак. *макьара* «кора, скорлупа» [Там же]. В составе указанных основ корневым элементом считается согласный *-к-*, следовательно, компонент *ма-* является в данном случае префиксом, а компонент *а-ар* – вторичным детерминативным показателем. Этот корень прослеживается в составе другого лакского слова *кк-ири* «кора», ср. также хваршинское *кь-вел* «кора, скорлупа, береста». Морфологическая структура многих дагестанизмов кумыкского языка остается неисследованной во многих случаях. Так, например, буйнакская диалектная основа *кьавкьав* «очень худой» [Там же] относится, по нашему мнению, к дагестанизмам, ср. тиндинское *кья* – «худой». Можно полагать, что основа *кьавкьав* «очень худой» состоит из корня *кья-* и детерминативных формантов.

В подгорном диалекте кумыкского языка Н. Х. Ольмесовым зафиксирована основа *тураза* «высокий» [12, с. 21], имеющая нахско-дагестанское происхождение, ср. анд. *хир-*, бежт. *хооро-*, будух. *хун-дур*, хинал. *хюндюр* [Там же, с. 236]. В составе будухского *хундур* выделяется компонент *-дур*, представленный и в кумыкском варианте в виде *тур-*. Остальные компоненты кумыкской основы являются различного рода вторичными показателями.

В том же подгорном диалекте отмечается основа *зукья* «ступа для толчения», заимствованная из аварского языка. Основа состоит из корневого элемента *-з-* и нескольких детерминативных аффиксов. В кашауринском говоре представлено заимствование из даргинского источника *цъцъцъгъоз* «маленькие глаза», где собственно кумыкское диалектное слово *гоз* «глаз» наращивается к даргинизму *цъцъцъ* «маленький (о глазах)». Подгорное слово *цухун* «деревянная круглая лопатка» заимствовано из аварского источника (в литературном языке ему соответствует исконно тюркское слово *кьангьа*).

В дагестанских языках семантика этого слова имеет и некоторые различия, ср. авар. *бухун* «деревянная лопата», анд. *рехин*, тинд. *рехен*, цез. *аку*, гуыз. *эгу*, бежт. *ако* [Там же, с. 134].

Как показывают эти примеры, в составе кумыкского диалектного слова *пухун* вычленяется префиксальный элемент *пу-* и корневая база *-хун*, подтверждаемая андийской параллелью *ре-хин*, где имеем префикс *ре-*. Отсюда следует, что в составе данной основы представлен корневой *-х-*, чередующийся с согласными *-г-*, *-к-*.

В терском диалекте кумыкского языка употребляется заимствование из чеченского источника *чухун* «подсоленный кефир» [Там же, с. 29]. В бораганском говоре упомянутый автор отмечает и фонетико-семантический вариант *чогьан* «молоко с рассолом» [Там же, с. 30]. По мнению К. С. Кадыраджиева, такая основа является исконно тюркской [8].

Согласно нашим данным, эта основа подразделяется на корневой элемент *но-* и детерминанты *хо-н*. Сходный корень представлен в ряде нахско-дагестанских языков, ср. лезг. *mlan*, лак. *ч/у*, арч. *ночло* «молозиво», бежт. *цаа* «соль», авар. *цъцъло* [9, с. 25].

В кумыкском фольклоре представлена основа *кьонакь* «просо», ср. также ног. *конакай* «могар» [3, с. 172]. К. С. Кадыраджиев рассматривает данную основу как исконно тюркское образование [8], хотя не исключена связь этого фитонима и с некоторыми нахско-дагестанскими параллелями, ср. лак. *лачла* ← *лакIа* ← *кIа* «пшеница», дарг. *анкли* ← *кIи*, чеч. *кIа*, арч. *хьохьол*, лезг. *кьуь-л* [14, с. 60]. В этих основах выделяется исходная база *кьу-//кьуь-*, ср. компонент *кьо-* в составе кумыкского *кьо-накь* «просо».

В бораганском говоре терского диалекта Н. Х. Ольмесовым отмечается основа *воцоцо* «колочка», ср. также топоним *Кулишога*, этноним *Йалхой*, термин *каьрох* «лощина» [12, с. 30]. Фонетическая структура данных основ указывает на их заимствованный характер из чеченского источника.

Следует отметить, что еще не все дагестанизмы кумыкского языка выявлены до конца. Не изучены также и учтенные, зафиксированные дагестанизмы, ср. например, *аьнцIа* «глухой», *каьлд* «творог», *каьху* «совок», *лаьвзи* «грязь» [Там же, с. 37], структура которых продолжает оставаться невыясненной. Некоторые из них имеют определенные соответствия в соседних языках, так, например, кумыкская основа *лаьвзи* «грязь» может иметь связь с грузинским словом *слами* «ил», где согласный *с-* в начале основы является вторичным, а основа *лами* сопоставляется в ряде исследований с индоевропейской базой *лама* «болото, лужа» [8].

В кайтагском фольклоре кумыков отмечена интересная основа *варга* «курочка», ср. дарг. *варгIа//гIаргIаь* [16, с. 74]. С. М. Хайдаков рассматривает даргинское слово как изолированное в системе дагестанской орнитонимии. По нашему мнению, даргинскую основу *варгI* можно сопоставить с лезгинским *верч* «курица», который сопоставляется С. М. Хайдаковым с анд. *уецу→ьуэцу*, гинух. *ооцо*, хварш. *очу*, цез. *оночу*. Возможно, этот же термин представлен и в составе хиналугского *кукI-вацI*, удинского *ккокк-оцI* «курица». Сходная основа представлена в грузинском *вариа* «молодая курочка, молодка», армянском *варик* в том же значении. По мнению В. И. Абаева, эти основы восходят к иранскому источнику, ср. первый компонент иранского *Варэ-ган* «хищная птица». В кумыкском фольклоре отмечается название какой-то мифической рыбы *гюлеме/гюмеле*, которое, по нашему мнению, заимствовано видимо из нахско-дагестанского источника, ср. тат. *колме* «вобла», груз. *калмах* «форель». В. И. Абаев полагает, что грузинское *калмахи* восходит к среднеперсидскому *кар-махи* «мифическая рыба», новоперсидское *гармахи* «сельдь», таджикск. *гулмохиохи* «форель», авест. *кара майса//кара масиа* «название какой-то рыбы» [1]. В указанных исследованиях приводится достаточный материал, подтверждающий древность упомянутой основы. Влияние нахско-дагестанских языков не ограничивается собственной лексикой. В некоторых случаях нахско-дагестанские языки могут быть передатчиками лексики из других языков. Как, например, по мнению Н. С. Джидалаева, основа *пача-лыкь* «государство» в кумыкском языке содержит компонент *пача* «государь, царь» персидского происхождения, но проникший из дагестаноязычной среды (аварский, даргинский) [6, с. 141].

Дальнейшее изучение дагестанизмов кумыкского языка должно производиться на более широком сравнительном материале, с охватом ряда диалектных данных, с анализом каждого дагестанского форманта, сохранившегося в заимствованиях диалектов кумыкского языка, хотя для современного кумыкского языка эти форманты не расчленимы и являются неотъемлемой заимствованной частью основы.

Список сокращений

<i>авар.</i> – аварский язык	<i>гунз.</i> – гунзибский язык	<i>таджикск.</i> – таджикский язык
<i>авест.</i> – авестинский	<i>дарг.</i> – даргинский язык	<i>тат.</i> – татский
<i>агул.</i> – агульский язык	<i>диал.</i> – диалектный	<i>табас.</i> – табасаранский язык
<i>азерб.</i> – азербайджанский язык	<i>карат.</i> – каратинский язык	<i>тинд.</i> – тиндийский язык
<i>анд.</i> – андийский язык	<i>крыз.</i> – крызский язык	<i>удм.</i> – удмуртский
<i>арчин.</i> – арчинский язык	<i>лак.</i> – лакский язык	<i>удин.</i> – удинский язык
<i>ахвах.</i> – ахвахский язык	<i>лезг.</i> – лезгинский язык	<i>чеч.</i> – чеченский язык
<i>бежт.</i> – бежтинский язык	<i>лит.</i> – литературный язык	<i>хварш.</i> – хваршинский язык
<i>ботл.</i> – ботлихский язык	<i>ног.</i> – ногайский	<i>хинал.</i> – хиналугский язык
<i>будух.</i> – будухский язык	<i>общетюрк.</i> – общетюркский	<i>цахур.</i> – цахурский язык
<i>гинух.</i> – гинухский язык	<i>рутул.</i> – рутульский язык	<i>цез.</i> – цезский язык
<i>годоб.</i> – годоберинский язык	<i>ср.</i> – сравните	<i>чамал.</i> – чамалинский язык

Список литературы

1. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4-х т. М. – Л., 1958-1989.
2. Ахметьянов Р. Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. М., 1978. 247 с.
3. Бокарев Е. А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961. 230 с.
4. Грамматика ногайского языка. Черкесск, 1973. 320 с.
5. Джейранишвили Е. Ф. Удийский язык. Тбилиси, 1971. 328 с.
6. Джидалаев Н. С. Тюркизмы в дагестанских языках. М., 1990. 248 с.
7. Загиров В. М. Историческая лексикология языков лезгинской группы. Махачкала, 1987. 143 с.
8. Кадыраджиев К. С. К древней истории кумыкского языка [Электронный ресурс] // Проблемы сравнительно-исторического изучения кумыкского и тюркских языков. Махачкала, 1998. URL: http://turklib.ru/lingo/k_drevnei_istorii_kumykskogo_yazyka.html (дата обращения: 11.11.2015).
9. Кибрик А. Е. Структурное описание арчинского языка методами полевой лингвистики: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 1976. 47 с.
10. Кубатов А. Г. Лексические взаимоотношения азербайджанского и лезгинского языков: автореф. дисс. ... к. филол. н. Баку, 1973. 12 с.
11. Микаилов Ш. И. Очерки аварской диалектологии. М. – Л., 1958. 512 с.
12. Ольмесов Н. Х. Сравнительно-историческое исследование диалектной системы кумыкского языка. Махачкала, 1997. 325 с.
13. Оразаев Г. М.-Р. Из истории даргинско-тюркских контактов // ТДЯК: Тюркско-дагестанские языковые контакты. Махачкала, 1982. С. 62-74.
14. Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М.: Наука, 1971. 295 с.
15. Талибов Б. Б. Сравнительная фонетика лезгинских языков. М.: Изд-во «Наука», 1980. 350 с.
16. Темирбулатова С. М. Образование наречий и времени в хайдакском диалекте даргинского языка // Вопросы словообразования дагестанских языков. Махачкала, 1986. С. 70-76.
17. Хайдаков С. М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М., 1973. 179 с.

DAGESTANISMS IN THE DIALECTS OF THE KUMYK LANGUAGE

Selimova Gyl'bakhar Abdulakhadovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Dagestan State Pedagogical University
selimova0011@mail.com

The article is devoted to the Dagestanisms in the dialects of the Kumyk language. The objective of the article is to reveal and describe the Dagestan loan words in the dialects of the Kumyk language, to specify the origin of some words, explained by the researchers as Dagestan ones. From the point of view of the degree of adaptation and time the Dagestanisms in the dialects of the Kumyk language are assimilated firmly in the Kumyk literary language and its dialects.

Key words and phrases: the Kumyk language; piedmont dialect; the Terek dialect; the Kaytagsky dialect; vocabulary; Dagestanisms; morphological structure.

УДК 811.111

В статье рассматриваются синтактико-смысловые особенности функционирования присоединения на основе художественных текстов. Присоединение трактуется как универсальная единица языка, поскольку оно присуще многим языкам. Средства выделения присоединительного компонента выступают логическое ударение, интонация и знаки препинания.

Ключевые слова и фразы: базовое предложение; присоединительный компонент; рематический элемент; логическое ударение; стилистическая функция.

Семенова Мария Владимировна, к. и. н.
Бурятский государственный университет
smv_1978@mail.ru

ПРИСОЕДИНЕНИЕ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ КОММУНИКАТИВНОГО СИНТАКСИСА

На современном этапе английский язык как система располагает определенным набором функциональных моделей предложения, специфика которых проявляется как в диалоге, так и в монологе, отображая экспликативную и имплицативную тенденцию языка. В этой связи возникает необходимость исследования нового синтаксического явления, именуемого парцелляцией или присоединением. В лингвистической литературе справедливо указывается на нечеткость содержания последних. Это, в свою очередь, создает известные трудности при проведении границы между парцелляцией, с одной стороны, и присоединением – с другой, поскольку эти синтаксические разновидности смыкаются где-то и переходят друг в друга.

Мы же вслед за И. Н. Кручининой [3], В. Д. Девкиным [2] понимаем под присоединением принцип построения высказывания, при котором происходит обособление одной из частей высказывания, которая получает самостоятельную коммуникативную значимость в виде отдельного нестандартного фрагмента предложения [Там же, с. 78-79].

He couldn't land here. Not in a plane with wheels [4]. / Он не мог приземлиться здесь. Только не на таком самолете (здесь и далее перевод наш – М. С.).

На синтаксическом уровне присоединение может быть рассмотрено как один из способов синтаксического развертывания грамматической структуры и смыслового содержания предложения за его пределами. Например:

She stayed with us, though not for long. Less than a week [6, p. 906]. / Она осталась с нами, хотя и ненадолго. Меньше чем на неделю.

Исследование языкового материала показало, что в качестве присоединительного компонента могут выступать второстепенные члены предложения, выполняя различные синтаксические функции. К ним относятся, прежде всего: определение, дополнение, обстоятельство.

Так, определения в функции приложения обладают постпредикативным характером. Они вносят в присоединительную конструкцию особый момент синтаксической перспективы, придают всему высказыванию эмоциональность и экспрессию. Не занимая обычного места рядом с определяемым существительным, присоединенные приложения сохраняют структурно-семантическую связь с антецедентом в дистантной позиции, выражая дополнительные, окказиональные признаки и качества, которые могут быть сообщены после точки.

При этом присоединенные приложения могут быть лексически тождественными или не тождественными определяемому слову. В зависимой позиции от определяемого слова они дополняют, расширяют и конкретизируют его смысловую структуру.

No depth of poverty could ever have made Ellen feel ashamed. Ashamed [Ibidem, p. 594]. / Даже окажись Элли на самом дне бедности, она бы не увидела в этом ничего постыдного. Постыдного.

Oh, she could stand the cuts, the slights, the covert smiles, anything the town might say if she had to stand them, but not Melanie! Oh, not Melanie! [Ibidem, p. 905]. / О, она могла вытерпеть колкости, оскорбления, улыбки исподтишка, все, что мог сказать о ней город, но только не Мелани! Ох, только не Мелани!